

ШАБА 1

Место должно быть особенным. Просто лес, чаща или обычный овраг не подойдут. Эти места лишены смысла и красоты.

Место должно быть особенным.

Он медленно крутил педали велосипеда, колеся по загородному парку. Он искал и предавался меланхоличным воспоминаниям.

Когда-то этот парк был лесом. Густым, почти непроходимым. Зеленым весной и летом, бурым осенью и голым зимой. Потом с четырех сторон его взяли в кольцо застройщики многоквартирных высотных домов. Принялись кромсать под фундаменты гектар за гектаром, обкладываясь разрешениями, как подушками безопасности. И земли бесперспективные, и лес вымирает, и пожарная опасность из-за сухостоя высокая. Нашлось множество причин, чтобы урезать лес до размеров парка. Пусть большого, но парка. В лесу же не бывает тротуарных дорожек и скамеек. Всяких ларьков с мороженым и водой нет

в лесу. Раньше на прогулку в лес брали с собой воду в бутылке и бутерброды в промасленной салфетке. Сейчас в этом нужды нет. Закусочные через каждые сто метров.

И не то чтобы ему это так уж не нравилось или казалось противным. Нет! Он сам не раз присаживался за дощатый столик и открывал картонную коробку с огненными куриными крылышками или ножками. Ел, нравилось. Запивал горячим чаем или кофе из бумажного стаканчика. Тоже казалось сносным, хотя чудился привкус мокрого картона. Просто...

Он лишился в этом месте уединения. Невозможно было укрыться от посторонних глаз. Везде люди, всюду любопытные взгляды. Даже теперь, когда он просто медленно катит на своем велосипеде, он вызывает любопытство. Не у всех, нет. Но пары три-четыре внимательных глаз отыщется, если подсчитать.

Заметив чуть левее велосипедной дорожки подъем в гору, он прибавил скорости. Сюда на велосипеде мало кто совался. Слишком крутой затяжной подъем. Для пешей прогулки и вовсе эта дорога не подходила. Была узкой. Рядом идти не могли даже дети. Приходилось шагать гуськом. А кому это понравится на романтической прогулке в выходной?

Он с силой налегал на педали, медленно закатываясь на гору. Когда подъем сделался невыносимо крутым, он спешил. Оставил велосипед в зарослях справа от тропы. И пошел вверх пешком. Через пять минут оказался на ровном каменном плато размером

• Преступные игры гения •

пять на пять метров. Голое, гладкое, идеальное лобное место. Восстанавливая дыхание, он остановился в конце тропы, огляделся.

Слева и справа те же заросли колючих кустов. Что это за поросль, он никогда не задавался вопросом. Неинтересно. Гладкий камень плато отсвечивал серым. Даже при ярком солнце. Просто серый. Без всякой поэтической дребедени. Пять метров серого камня и крутой обрыв. А там — внизу — какая-то мелкая грязная речушка. Тоже никакой красоты. Но...

Если прийти сюда на закате солнца, дожидаться нужного света, то можно на холсте и реку сделать полноводной, и серый камень превратить в гранит.

Свет...

Ему нужен правильный свет. Тот самый: мягкий, удушающе бархатный. Он не может найти его в городе. И в любом другом месте тоже. А вот на этом крохотном плато, на закате, он поймает краткие минуты того, что ищет. Только бы никто не помешал. Только бы никто не поднялся следом за ним и не попытался завести праздный разговор. Тогда все, место будет осквернено.

Осторожно дозируя дыхание, чтобы не спугнуть предвкушение, он продвинулся на три с половиной метра. Остановился, покрутил головой в поисках западной стороны. Да, там. Как он и предполагал. Если он расположится с мольбертом в этой самой точке, то свет заходящего солнца будет обтекать его со всех сторон. И он получит то, чего так давно добивался.

Он будет купаться в этом оранжево-багровом закате, выплескивая ощущения на холст.

Неожиданно к нижней губе его что-то прилипло. Что-то легкое, невесомое, как цветочная пыльца. Потом еще и еще. Он провел пальцами по губам, посмотрел на них. Одуванчик? Очень похоже. Белые тончайшие нити, потревоженные ветром.

Он нахмурился. Вот о чем он не подумал, отыскивая то самое особенное место. Ветер! Он способен всему помешать. Он может преломлять лучи, морщить облака, мусорить, как вот теперь.

Раздраженно потерев палец о палец, он неожиданно понял, что это не одуванчик. Что-то иное, более жесткое. Да одуванчики и отлетели давно. Что это могло быть? Ведь если эта дрянь сядет на мокрый холст, то...

Новый порыв ветра поднял целое облако из колючих кустов, что обрамляли плато слева. И вдохнув полной грудью, он неожиданно уловил запах тлена. Этого еще не хватало!

Его картина должна быть исполнена теплой грусти, мягкой неги, ощущения безвременья. И там уж точно нет места ничему отвратительному и уж тем более мертвому.

А тут смердело! И еще как! Новый порыв ветра накрыл плато такой вонью, что его едва не вырвало. Повернуться бы и уйти. И поискать другое место. Но нет же, нет! Он не ушел. Мало того, двинулся к кустам, оцетинившимся колючками. Поискал

• Преступные игры гения •

глазами палку. Нашел что-то подходящее. Сунул ее в центр колючих зарослей, пошевелил, раздвигая вялые ветки. По ходу думал: если это какая-то глупая птица, погибая, как в силках, в этих колючках, он ее просто вытащит оттуда и сбросит вниз. И если кошка, поступит так же. Но вот если это пес! Крупный и зловонный... Тогда он уедет отсюда и никогда больше не вернется. Место испохаблено.

Вялые ветки, сломанные у самого корня, послушно расступились под ударами палки. И там... Там...

— Нет же, боже! Нет!

Он стоял как пригвожденный и не трогался с места. Взгляд его — взгляд художника — в мельчайших деталях выхватывал все, что видел. А мозг запоминал.

Белое голое женское тело. Такое белое, что казалось мраморным. Тело молодое, красивое. Череп лысый. А на лице...

Вот что летело в его сторону! Вот что прилипло к его губам! Ее волосы — белоснежные, как пух. Их состригли с ее головы и покромсали почти в пыль. И вывалили на мертвое лицо. И они теперь разлетались, как пыль одуванчиков, и...

Вспомнив, как это прилипло к его губам, он шагнул назад. Согнулся пополам, и его начало рвать прямо на собственные белоснежные кроссовки. Когда в желудке не осталось ничего, он рухнул на колени прямо в свою блевотину, застонал от физической

боли в животе. Нашарил телефон в заднем кармане шорт, достал его и набрал номер 112.

У него ушло целых пять минут на то, чтобы объяснить бестолковому оператору, что произошло и как он это обнаружил. Пообещав ей дождаться полиции, он с трудом поднялся, вышел с плато и зашагал вниз по тропе. Чуть не забыл о велосипеде, уже прошел метра два мимо, вниз. Но потом вернулся.

Не помнил, как спускался. Внизу уселся прямо на тропу, обхватил руками колени, пристроил на них подбородок и закрыл глаза. И как только он их закрыл, тут же увидел его — выбеленное смертью до каменного блеска мертвое женское тело.

ЧАВА 2

Гена стоял возле двери своей бывшей квартиры с пальцем, занесенным над дверным звонком, и медлил. Позвонить следовало давно. Он стоял уже минут пять. Но палец сделался непослушным, почти деревянным. Застыл в пяти сантиметрах от кнопки уродливо согнутым, и ни с места.

— Твою мать... — прошептал он, скрипнув зубами. И позвонил.

Она не открывала бесконечно долго. Много дольше, чем он решался в дверь позвонить. Он не уходил. Знал, что она дома.

• *Преступные игры гения* •

— О, какие люди, — проговорила его бывшая жена совершенно без выражения. — Че надо?

— Поговорить, — он занес ногу над порогом.

— Все разговоры закончились на пороге загса, Сидоров. — Ее босая ступня ударила его по щиколотке. — Тебе в моем доме делать нечего. Нас с тобой больше нет. И разговоров о нас с тобой больше нет. Тебе что, плохо в новых отношениях, Гена?

Он закатил глаза, судорожно сглотнул и крепко стиснул зубы. Чтобы не наорать на нее, не наговорить лишнего.

Их больше не было, да! И он об этом совсем не печалился, скорее наоборот. Он был рад, что они расстались. Потому что их брак превратился в пытку. Они устали даже ненавидеть друг друга. И в новых отношениях ему было хорошо, комфортно, счастливо. Он обожал свою девушку. Скучал по ней, если не видел больше восьми часов. И восхищался тем, как она готовит.

Но разве скажешь об этом Анне? Она тогда его не то что для разговора не пустит, она его из окна выбросит. Из подъездного окна тринадцатого этажа. Его не будет, а она сядет. А ей в тюрьму нельзя. И ему пожить хочется. У него счастливая жизнь еще только начинается.

— Чего молчишь? — бывшая жена уставилась на него исподлобья. — Не устраивает, как я выгляжу?

И вот тут он решился на нее посмотреть. На нее — на всю. И не то чтобы ужаснулся, но поводов для сожалеющих вздохов было предостаточно.

На Анне были какие-то нелепые многослойные одежды. Сверху толстый банный халат, под ним — пижама. Широкие штанины волочились по полу. Под пижамной курткой — футболка с высоким горлом.

— Надела все, что было? — усмехнулся Гена криво. — Волосы немыты. Лицо серое. Пьешь, что ли, Смирнова?

Она принципиально не взяла его фамилию при регистрации их брака. Ее после расторжения и менять не пришлось.

— Я никогда не пила, Сидоров, ты это знаешь. Не пила ни в радости, ни в горе. А сейчас мне вообще никак. С какой стати мне пить?

— Выглядишь не очень, — он почесал затылок. — На звонки не отвечаешь. На работу не являешься вторую неделю.

— Только не вздумай свистеть, что ты разволновался, — нацелила она ему в грудь палец. — И начальство мое тебя прислать не могло. Оно в курсе причин моего отсутствия. Что-то случилось, Гена? У тебя какая-то neprухa? И срочно нужен мой совет?

Она угадала. Как всегда, угадала. И по его теперешнему молчанию угадала, что снова все о нем угадала.

— Я не подаю убогим. До свидания.

• Преступные игры гения •

Анна попыталась закрыть дверь. Но он вовремя вставил ногу в ботинке между дверью и притолокой.

— Полицию вызвать не могу. Мы оные и есть. Что же мне с тобой сделать?

Аня переводила взгляд с его ботинка на подбородок, с подбородка снова на ботинок. Он понял, что она может ударить. Приемами рукопашного боя бывшая владела в совершенстве. В зале в спарринге он сто раз оказывался на лопатках.

— Аня, он снова убил, — поторопился Гена, чтобы не упасть уже в следующую минуту на бетонный пол лестничной площадки. — На этот раз в парке...

Она мгновение изучала его несчастную физиономию. Потом, вытянув руку, схватила за воротник трикотажной рубашки и втащила в квартиру. Уже с порога он почувствовал запах лекарства. Или спирта? Может, она все же пьет? Раньше за ней такого никто не замечал, но мало ли. Все меняется.

Он не пошел за ней в кухню, заглянул в гостиную и спальню. Кровать обнаружил заправленной. А вот на диване в гостиной валялись скомканное одеяло и подушка. Рядом стоит журнальный столик, на нем стакан с водой, гора таблеток, горчичники и комок из ваты и марли. Компресс. Она всегда его ставила, когда у нее болело горло. А оно у нее болело часто.

Почему-то, поняв, что она не соврала насчет алкоголя, он не испытал облегчения. Скорее легкую досаду. Не переживает? Не убивается по нему, оставившему ее так вероломно? Хотя...

Если разобраться, он не уходил от нее. Анька сама его выставила. Узнала про его роман на стороне и выставила. И даже без синяков и скандалов обошлось. Молча собрала его вещи, молча пнула его сумку, молча указала подбородком на дверь. И с тех пор, если разобраться, они сказали друг другу не более двух десятков слов. Это в личной жизни. По работе им приходилось общаться. Никто из них не хотел увольняться по причине развода.

— Сюда иди, Сидоров! — громко позвала его бывшая жена. — Я болею, идиот, не пью. Пахнет компрессом...

Сучка! Она даже сквозь стены видела его и угадывала!

Аня стояла у окна и курила в форточку электронную сигарету. Так она бросала курить! Смешно. По его мнению, что так дым, что так. Но кого и когда интересовало его мнение... в их браке!

Он вошел в кухню. Цепляясь взглядом за каждый предмет, осмотрел все. Пытался найти что-то новое, появившееся без него. Не было ничего нового. Хотя нет. Новым был полный порядок на кухне. Раньше здесь постоянно царил хаос. Грязи не было, нет. Посуда была вымыта всегда. Но ее почти никогда не убирали в сушку. Стопки чистых тарелок росли слева от раковины. Чистые чашки и стаканы стояли в ряд справа. Там же чистые контейнеры, в которых они брали на службу бутерброды. Ее с крас-

• *Преступные игры гения* •

ными крышками. Его — с синими. Ничего этого сейчас не было: ни контейнеров, ни посуды. Обеденный стол пуст. А прежде на нем всегда стояла ее чашка с последними глотками чая или кофе. И он не смел ее убрать и вымыть. Ее последние глотки были неприкасаемыми.

Одним словом, много было самых разных правил, которые он втайне считал идиотскими. Но тут недавно поймал себя на том, что в новой своей жизни оставляет на столе чашку с недопитым кофе и просит ее не трогать...

— Говори. Быстро и по существу, — скомандовала Аня в привычной манере.

Вытащила из волос длинную заколку-шпатель, потряхнула густыми волосами. Снова собрала их на макушке в тугую ком и проткнула его заколкой. Две пряди привычно выскользнули из прически и обрамили ее узкое лицо с высокими скулами. Черные глаза бывшей жены смотрели на него неприязненно, когда она скрещивала руки на груди и усаживалась на широченный низкий подоконник.

— В парке в выходной было обнаружено тело девушки, — начал он говорить, снова чувствуя себя как на экзамене и боясь сбиться и показаться бестолочью.

— В какой выходной? — спросила она холодно и строго.

— В смысле? — моргнул Сидоров непонимающе. — В минувший!

— В коромысле! В субботу или воскресенье?

— В воскресенье, — внес он уточнение. — В пять часов вечера. На плато над речкой. Такая там, знаешь, Грязновка.

— Знаю, — нетерпеливо повела она плечами. — Кто обнаружил? При каких обстоятельствах?

— Художник... — Он сразу заметил, что она напугалась. — Искал место для работы. Ему нужен был вечерний свет. Он колесил на велосипеде по дорожкам парка, искал. Потом поехал к горе. По пути наверх оставил велик в кустах, поднялся. Обрадовался, что место именно такое, какое ему нужно. Тут подул ветер, и на его губы налипло что-то. Он подумал, что это пыльца одуванчика...

— Одуванчики давно облетели, — тут же вздернулись ее брови.

— Он потом тоже сообразил. Но не сразу. Снова подул ветер и принес с собой запах тлена.

— Блин, Сидоров, ты сейчас в рифму заговоришь, точно, — фыркнула его бывшая жена. — Короче, он сунулся в кусты, а там тело. Мертвое, женское, молодое. Наголо бритое. Волосы измельчены в труху, лежат на лице. Все так?

— Все так.

— И что наш художник? — Анна прищурилась.

— Заблевал там все. Позвонил 112, спустился с горы, дождался нас. Правильно ответил на вопросы.

— Правильно, значит? — удивилась она.

• Преступные игры гения •

— Было время подготовиться. Ехали сорок минут. Воскресенье, пробки.

— В воскресенье пробок меньше. И гуляющих в парке тоже. Кто-то видел его? Как он катался? Как ехал к горе?

— Мы сами увидели. На камерах. Весь маршрут его отследили. Ни разу никого не потревожил своим перемещением на велике. Заехал в парк, сразу на велодорожку свернул. Покатался.

— Долго?

— Час. Почти час.

— Ого! Долго. И весь час катался?

— Нет. Отдыхал. Воду покупал. Пил. Потом покупал еду. Присаживался за столик. — Гена пожал плечами. — Ничего в нем подозрительного, если ты это имеешь в виду.

— Не твое дело, что я имею в виду, — огрызнулась она беззлобно. — Как он выглядел? Как ел?

Пришлось рассказывать ей обо всем, даже цвет носков не пропустил. Особенно долго рассказывал, как он усаживался на деревянный стул в парковой кафешке. Как тщательно вытирал стол влажной салфеткой, которую, конечно же, принес с собой.

— И что, прямо свою тарелку достал? И вытряхнул на нее ножки из картонной коробки?

Ее черные глаза горели азартом, тем самым, которого он так боялся. Этот огонь и сожрал их брак. Потому что, когда вот так вот у Аньки горели глаза, она не спала, не ела, не заходила домой. Она рабо-

тала как проклятая! Она не видела ничего и никого вокруг. Гоняла подчиненных — а он им тоже был — в хвост и гриву.

— Эстет, значит, — удовлетворенно улыбнулась она, когда он закончил рассказывать. — Ну-ну, Валерий Павлович... Очень хочется с вами познакомиться. Очень хочется на вас взглянуть.

Гена мысленно пожалел несчастного художника, в силу обстоятельств оказавшегося не в том месте не в то время. Анька ведь вцепится мертвой хваткой, вопьется в его мозг, вывернет всю душу наизнанку. А бедный Валерий Павлович всего-то и хотел найти удачное место с хорошим светом для своей новой работы.

— Ты уверен? — обернулась она на него от плиты, где варила себе овсянку. — Или просто хочешь мне возражать по привычке?

— Нет. Не хочу возражать. Просто беседовал с этим художником, наводил о нем справки. Ничего такого подозрительного.

— То есть в его квартире...

— В доме. Он живет в коттедже, — с удовольствием поправил ее Гена.

— То есть вокруг его дома не разложены мертвые женские тела с обритыми черепами. И дома не обнаружено вещей убитых. И... Что? — Она умолкла и минуту его рассматривала. — Вы не сделали обыск в его доме?

• Преступные игры гения •

— У нас нет оснований.

— Возможно. Но просто зайти к нему ты мог? Осмотреться. Глазами пошарить, как в моей квартире только что.

Сучка! Все замечает!

Аня выключила плиту, перелила жидкую овсянку в глубокую тарелку, поставила на стол перед ним.

— Что это? — вытаращился Гена возмущенно. — Я не буду эту дребедень!

— Будешь. Ты за время нашей беседы несколько раз дотрагивался до правого бока. Воспалился желчный? Да вижу. И белки глаз с желтизной. Любимая не в курсе твоей хронической болячки? И кормит тебя изысканно и сытно?

— Не твое дело.

Он болезненно поморщился. Он раскрыт. Можно было дальше не притворяться. Третий день ноет правый бок. И таблетки не помогают.

— Чего нахватался на этот раз? — Анька уселась напротив. Подтолкнула тарелку. — Жри кашу, Сидоров, немедленно. Или я по скорой тебя отправлю.

Он нехотя взял ложку. Зачерпнул каши. Съел ложку, потом — вторую и так опустошил всю тарелку.

— Ребрышки, — пробормотал он, стоя у раковины к Анне спиной, когда мыл тарелку. — Это были запеченные свиные ребрышки.

— Ты идиот, Сидоров? Тебе же нельзя эту гадость.

— Вкусно, — возразил он неуверенно.

— Вкусно, но гадость же. И тебе нельзя. Так загнешься, — монотонно отчитывала его бывшая жена. — Сейчас-то с каши все прошло?

Он выключил воду. Замер. Да, в правом боку затишье. Надолго ли? Любимая прислала сообщение, что готовит на ужин что-то особенное. Он был уверен, что это будет невероятно вкусно, но боялся представить, что с ним станет наутро.

— Я сейчас в душ. И мы с тобой поедem, — буркнула Анна от дверей кухни.

— Куда? — он отряхнул от воды руки, высушил полотенцем.

— К художнику, куда же еще.

— Анна! Ну зачем?! К нему-то зачем? — взорвался он раздражением, следуя за ней до дверей ванной.

— А ты разве забыл?

У двери ванной она неожиданно сбросила с себя халат, выскочила из пижамы и, оставшись в футболке с высоким горлом и трусах, закончила с гадкой улыбкой:

— Про профиль убийцы, который нам представили пять лет назад, забыл? Там четко говорилось, что убийца — эстет. И вполне может быть художником. Все. Жди в машине. Буду через пятнадцать минут.

ЧАВА 3

Эта женщина его завораживала. Он понимал, что она явилась по его душу и мысли, что от ее присутствия рядом с ним у него могут возникнуть проблемы, но...

Он ничего не мог с собой поделаться!

Она заполнила собою все его личное пространство, даже не утруждаясь особо. Просто вошла в его дом. Просто посмотрела. И пробормотала краткое:

— Здравсте...

Мужчина, приехавший с ней, был ему знаком. Кажется, Сидоров. Кажется, майор. И кажется, этих двоих что-то связывало. Может, какие-то порочные тайны. Или какая-то личная боль. Он почему-то сразу почувствовал наэлектризованность пространства между ними.

Майор Сидоров разложил на его столе какие-то бумаги. Принялся задавать вопросы. Смешные и пустые. В минувшее воскресенье он был более собран. Сейчас производил впечатление стажера. А она...

Она ходила по его огромной гостиной с пятиметровым потолком и все внимательно осматривала. Стало понятно, что визит именно этим был вызван. Ей надо было взглянуть на все изнутри. На его дом. На его картины. На мебель. Взглянуть и понять: а не он ли и есть убийца?

Он все понимал и прощал ее заранее. Потому что она пленила его с первой минуты. Как художника, как творца, как мужчину.

Сидоров что-то писал и писал в своих бумагах, хотя и вопросов больше не задавал.

— Что вы обо всем этом думаете? — неожиданно спросила она, останавливаясь перед огромной стеклянной стеной, выходящей во двор.

Он подошел к ней, встал рядом — справа. Проследил за ее взглядом. Там не было ничего для него нового. Две березы — молоденькие и хиленькие. Навес красного холста в виде гигантского зонта. Под ним круглый пластиковый стол и два пластиковых стула.

Он понял, что она не об этом. И сказал, что на самом деле думал:

— Мне кажется, это было послание.

— Какое послание? Кому? Если человечеству, зачем так глубоко прятать? Не факт, что тело нашли бы до полного разложения. Это вам повезло, — она резко повернула голову и вцепилась взглядом в его лицо. — Вы считаете, что вам повезло, как художнику, увидеть это?

Господи! Ну что за женщина! Как она смогла так быстро понять, что он чувствует!

— Да... То есть нет. Мне не повезло, — он страшно смутился, что она неверно все расценит. — Как человек, я пришел в ужас от увиденного. А как художник, не могу забыть белизны кожи. Почему она

была такой белой? Смердело ужасно, а следов разложения не было. Как такое возможно?

Она стремительно переглянулась со своим спутником и промолчала.

— Вы бы написали такую картину? — снова вернула она свой взгляд, высверливающий ему мозг.

— Я? — Он подумал и отрицательно мотнул головой: — Я пейзажист. Я бы не стал. Не осмелился. Не люблю разложения.

— Его же не было, — прищурила она удивительные черные глаза. — Тело было молодым, белым, будто мраморным.

— Оно было мертвым. — Его взгляд ушел внутрь, сразу вспомнился весь ужас. — И оно воняло! Это... Это для меня, как для художника, отвратительно. Я не люблю тлена.

— Но вы искали на плато свет. Закат... Вас интересовал закат. Это ли не угасание?

Он с минуту не находил ответа. Просто стоял и смотрел на нее, как на очередное чудо света. Тут же перевел взгляд на Сидорова. Что могло произойти между ними? Почему он видит между ними столько темного света?

— Угасание не значит — тлен, — ответил он, медленно отходя от стеклянной стены в поисках нужного ракурса. — И закат не означает полного угасания. Это угасание перед очередным возрождением. Будет же восход. Но если без лирики, то мне, как творцу, ближе краски, рождаемые засыпающим солнцем.

Лишь на мгновение подобие улыбки тронуло ее тонкие губы. Это было почти незаметно. Но он понял, что его ответ засчитан.

— Может, кофе? — спохватился Валерий, поняв, что они сейчас уйдут.

— Нет, спасибо. — ответил майор Сидоров.

Он сноровисто складывал бумаги, разложенные на столе. Совал их в папку. Она молчала. Выгуливала себя вдоль стеклянной стены и о чем-то напряженно размышляла.

Высокая, стройная. Густые волосы цвета карамели сколоты на макушке какой-то острой, тонкой штукой. Две пряди висят вдоль щек. Скулы высокие. Ни грамма косметики. Даже на губах никакого блеска. Но она казалась ему такой яркой, такой невероятно ухоженной и нетронутой. Даже в потрепанных джинсах и льняной рубашке выглядела светской дивой. И ему очень-очень не хотелось, чтобы она уходила сейчас. А предлога задержать ее не находилось.

— У меня замечательный кофе, — сделал он еще одну попытку, глядя на нее. — Вдруг я бы еще что-то вспомнил?

— А давайте ваш кофе, — и снова по ее тонким губам скользнуло нечто похожее на улыбку. — Только не надо ничего выдумывать. Это я насчет «вспомнить».

— Товарищ подполковник, — Сидоров хмуро смотрел на нее исподлобья. — Мне-то лично некогда. От слова совсем.

• *Преступные игры гения* •

— А я, майор, от слова совсем тебя не держу.

Она даже не повернула головы в его сторону, все время смотрела на красный огромный зонт в его дворе.

— Ты же без машины, Аня.

Сидоров повысил голос? Сидоров повысил голос. И ее это удивило.

— Вызову такси, майор, не печалься.

— Я могу отвезти. У меня есть машина.

— И машина у него есть, и велосипед, — скрипнул неприятными интонациями ответ Сидорова.

Валера промолчал. Проводил майора до ворот, дал слово, что отвезет подполковника Смирнову туда, куда она прикажет. И неожиданно поинтересовался:

— Вас с ней что-то нехорошее связывает, товарищ майор? Какая-то скверная история?

— Это так очевидно? — неожиданно развеселился Сидоров.

— Воздух вокруг вас наэлектризован. И да, это бросается в глаза.

— Наша скверная история называется неудавшимся браком, гражданин Осетров. Несколько лет длилась наша скверная история, прежде чем логически завершилась.

— Как именно?

Ну ему и правда было интересно!

— Разводом...

Потом он долго готовил кофе. Дольше обычного. Даже достал старую жаровню с песком и турку — подарок друга. И колдовал над ней, без конца ей о чем-то рассказывая. После ее ухода даже не смог вспомнить, о чем говорил, над чем они смеялись. Но смеялись!

Кофе пить вышли на улицу, под красный зонт. Она села лицом к солнцу и долго щурилась на свет, сочившийся сквозь красную ткань.

— Кажется, я поняла, что именно вы искали, — проговорила Анна, медленно глотая острый, крепкий кофе, приготовленный им по особому рецепту. — И да, это очень красиво. Неуловимо красиво.

Он слушал и не верил: неужели в его жизни появилась она — та самая женщина, которая видит и слышит, как он? С которой можно быть немногословным: она все поймет. С которой нет нужды притворяться.

— Анна... — начал он подрагивающим от волнения голосом. — Могу я вас называть по имени, без отчества и звания?

— Легко, — рассмеялась она беспечно.

— Анна... Простите мне мою смелость, но мне очень бы хотелось продолжить знакомство с вами.

— Что вы имеете в виду? — она закрылась от него бесстрастным выражением лица. — Отношения?

— Д-да... Если вы не готовы, я пойму. Мы могли бы просто время от времени ходить куда-нибудь вместе.

• *Преступные игры гения* •

— Куда? — прозвучал вопрос безо всякого интереса.

— В театр, на выставки, в ресторан. Я... Я понимаю, что вы очень занятой человек, поэтому готов ждать момента.

— Уф-фф... — выдохнула она с силой, вытягивая ноги и роняя руки с подлокотников пластикового стула. — Вы не представляете себе, Валерий, сколько вам придется ждать того самого момента! Меня могут сорвать посреди ужина в ресторане, посреди премьеры в театре. Могут выдернуть прямо в то время, когда вы станете мне рассказывать о каком-нибудь произведении искусства на выставке. Сидоров вам уже сказал, что мы были женаты?

— Да. Пять лет длился ваш брак.

— Да. Пять лет. Мы коллеги, и все равно наш брак не выдержал такого накала. А вы — человек искусства. В вашей жизни все размеренно, продумано до мелочей, дозировано, включая солнечный свет. Ваша стеклянная стена... Она повернута так, что солнце в комнату заглядывает весь день. Так?

— Так.

— Сколько времени вы работали над проектом дома? Вы же сами его разрабатывали?

— Да, сам. И работал я над ним три года.

— Вот! Три года! Три года на то, чтобы просто поймать свет. А я... У меня и в окно-то выглянуть не всегда есть время. Прагматик до мозга костей. Циничная ищейка. А вы... Вы придумали что-то себе.

— Я не придумал. Я влюбился. С первого взгляда.

У него тут же застучало в висках, а лицо пошло красными пятнами. Он знал, что дело обстоит именно так, он чувствовал прилив крови к голове. И понимал, что ее изумленный взгляд мог быть вызван именно его физическим недугом. У него случались внезапные скачки давления. Особенно когда он сильно волновался.

— Простите.

Валерий провел ладонью по мокрому лбу. Вытер ее о домашние вельветовые брюки. В висках стучало, во рту сделалось сухо.

— Очень смелое заявление, — проговорила она задумчиво и прищурилась. — Задам банальный вопрос: вы всем женщинам говорите подобные слова при первом знакомстве?

— Нет. До вас была Лидочка.

— Кто она?

— Моя девушка. Мы долго были вместе, а потом она... уехала.

От нее не укрылось его замешательство. Подозрительность, сочившаяся из ее глаз, затопила все вокруг.

— Куда уехала? Сколько вы были вместе? Как ее фамилия? Почему расстались?

Очарование разбилось вдребезги. Свет померк. Перед ним сидела не женщина его мечты, а подполковник полиции. И она его допрашивала!

— Лидочка Паршина. Она была моей студенткой.

• *Преступные игры гения* •

— Вы преподаете?

— Нет. После того как мы расстались, я ушел из колледжа искусств. Вместе мы были десять лет.

— Она жила здесь? — Анна поводила взглядом по стенам дома, по его саду с чахлыми березами.

— Нет. Она жила в квартире, которую я ей снимал. Там же мы и встречались. Адрес? Вам понадобится адрес?

Анна коротко кивнула, он продиктовал. Она записала адрес в телефон.

— Почему расстались? Когда?

— Год назад. Все как-то внезапно поменялось. Она стала скрытной, раздраженной, перестала отвечать на звонки. Я даже сделал ей предложение. Думал, что она устала ждать. Купил кольцо. Позвонил ей. Сказал, что приеду с важным сюрпризом. Приехал, а ее нет. И чемодана нет. И вещей в шкафу. Она просто укатила на отдых с друзьями.

— Вы искали ее?

— Разумеется! — Валерий глянул на нее с упреком. — Разве я мог ее не искать? Мы десять лет были вместе. Но потом я узнал, что с ней все в порядке. И она прекрасно отдыхает. Просто не хотела меня видеть и просила не говорить, где именно она проводит время. А после возвращения с отдыха весь этот год живет в той же самой квартире. А меня избегает. А я перестал навязываться. Да и возможности меня лишили. Лидочка превратилась в какую-то невидимку. Я не мог ее выловить.

— Мы с Сидоровым были вместе пять лет. Но он вряд ли бы кинулся меня искать, если бы я исчезла с чемоданом, — ее тонкие губы отыграли скепсис. — Ее друзья, подруги, родственники?

— У нее не было родственников. Она из детского дома. А подруги и друзья пожимали плечами. И хихикали мне вслед. Слухи просочились в колледж. Начался самый настоящий стеб. И я ушел.

Он потер виски, лоб. Дотронулся пальцами до щек. Понял, что краснота с лица схлынула. Он выглядит теперь обычно. И может не смущаться так сильно.

— Как она выглядит? У вас есть ее фотография?

Валерий взял с пластикового стола телефон, вошел в галерею. Листать пришлось долго. Год прошел. На смену Лидочке пришли пейзажи, натюрморты, фото красивых домашних животных. Наконец ее лицо всплыло в телефонном окошке. Он увеличил его, протянул телефон Анне.

— Это она...

Анна смотрела на фото мгновение. Потом тут же позвонила кому-то. Ага, Сидорову, оказывается!

— Ты далеко уехал? — она выслушала ответ и приказала. — Возвращайся.

Его раздраженный монолог был слышен даже Валерию.

— Заткнись и слушай, — прервала его Анна на каком-то моменте. — Девушка, найденная в парке на

• *Преступные игры гения* •

плато, — это Паршина Лидия. Откуда знаю? А она десять лет была подругой нашего художника. Почему не узнал?

Она отодвинула руку с телефоном в сторону,глянула на Валерия холодно и равнодушно и спросила:

— Почему в убитой вы не опознали вашу бывшую девушку, Осетров?

— Что?! Это... Это была Лидочка?! — его колени подпрыгнули и затряслись. — Но этого не может быть! Это тело... Оно не ее! Оно чужое! Полное. Лидочка была худой до изнеможения!

— Пусть так, — прервала его Анна и спросила Сидорова, внимательно слушающего их разговор. — Слышал?

И снова уставилась на Валерия.

— Пусть так... Она могла поправиться за год. Но лицо-то ее вы не могли не помнить. Лицо, гражданин Осетров?

— Я не видел ее лица.

Он наблюдал безумные скачки собственных коленей, пытаясь вспомнить лицо мертвой девушки. Мотнул головой, вспомнив. И повторил:

— Я не видел ее лица. Оно было засыпано чем-то похожим на пыльцу одуванчиков.

— Волосы... Это были измельченные в труху ее волосы, Осетров. Собирайтесь. Вам необходимо проехать с нами.

ГЛАВА 4

Она была уверена, что не доживет до своего двадцать пятого дня рождения. Вот прямо с пятнадцати лет ожидала скорого конца. С тех самых пор, как обидела на отдыхе старую цыганку и выслушала от нее страшное проклятие, так и ожидала. И обидела-то она ее несерьезно. Просто посмеялась над ее методами предсказывать судьбу. Ну какое это, в самом деле, предсказание — гадание на кофейной гуще? Да мало ли как та сползет по стенкам чашки! Бред это! Так она и сказала, наклонившись к плечу подруги, что сидела за столиком открытого кафе напротив старой цыганки.

— Настя, не будь душой, — произнесла она, тихо рассмеявшись. — Где ты видишь павлина в перьях, а? Это просто грязные кляксы. От кофе!

Но Настя слушала, открыв рот, предсказание о загадочном человеке, который встретится ей, когда она повзрослеет. И он окажется не тем, за кого себя выдает.

— Лучше или хуже? — судорожно сглатывала Настя слюну.

— Не вижу, — озабоченно морщила лоб старая женщина и без конца ворошила густые черные кудри, побитые сединой.

Аллочка тогда еще подумала, что у цыганки могут быть вши. Женщина выглядела неопрятной. Три слоя ярких юбок, пыльных по подолу. Тесная коф-

точка с пятнами на груди и в подмышках. Нечесанные волосы, сальное лицо. Как, скажите, можно было верить ей? А Настя верила!

— Человек этот будет мудрым и хитрым, — бубнила цыганка, всматриваясь в размытые кофейные потеки. — Но счастья тебе от него не будет. Плохо будет. Берегись. Избегай, девочка.

— Кого? Кого избегать? Как он будет выглядеть? Это мужчина или парень?

— А кто сказал, что это не женщина? — черные глаза цыганки исчезли в морщинах после того, как она прищурилась. — Берегись. Жизнь нелегкая тебя ждет.

— Бред! — фыркнула тогда Алла и потащила Настю за плечо. — Идем отсюда.

— Нелегкая жизнь тебя ждет, — пробормотала снова цыганка Насте, неожиданно перевела взгляд на Аллу и глянула широко распахнутыми глазами. — А тебя — короткая. До четверти века не доживешь!

Тяжело поднявшись, цыганка грузно зашагала от столика. Но вдруг остановилась и снова впилась в Аллу черными глазищами. И, погрозив пальцем с грязным ногтем, повторила:

— Мало проживешь...

С тех самых пор она все время ждала, что внезапно умрет. И остерегалась как могла. Не ездила на байках с парнями, как другие девочки-сокурсницы. Не ходила в горы, забросив курсы по скалолазанию.

Даже студенческие вечеринки пропускала. А на Настины вопросы отвечала неопределенно:

— Мало ли, что может там случиться!

Настя про цыганку тоже помнила, но в отличие от Аллы легонько над этим предсказанием посмеивалась и жила в полную силу. Не боялась, заводила отношения. Расставалась. Снова влюблялась. Имела много подруг и друзей разного возраста. Не боялась их мудрости и хитрости, не видела в них опасности.

— Аллочка, ты свихнулась окончательно, — поставила диагноз Настя, отчаявшись вытащить подругу на шашлыки на дачу по поводу какого-то праздника. — Ты же не верила в ее гадания. Называла бредом. И вдруг! Она мне, помнишь, чего наговорила? Я и то не боюсь.

— Тебе она наговорила жизнь, Настя, — недовольно возразила Аллочка. — Трудную, опасную, но жизнь. А мне предсказала, что я не доживу до своего двадцатипятилетия.

Она смагивала слезы, понимая прекрасно, что ее сумасшествие затянулось. Но ничего не могла с этим поделать.

— Тебе точно надо к психиатру, — крутила пальчиком у виска ее подруга. — Или найди себе телохранителя. Пусть он тебя охраняет день и ночь.

— Какого телохранителя? — хмурилась Алла.

— Парня, ухажера, любовника. Как еще объяснить?

• Преступные игры гения •

Она тут же подумала, что этот парень и может быть той самой опасностью, которая приведет ее к гибели. Но промолчала. И продолжила тихо и осторожно доживать свой короткий век.

Двадцатипятилетие она не отмечала. Закрылась дома одна. Вырубила телефон, не включила телевизор, не накрыла стол. Сидела с книгой в любимом кресле. И читала. А потом улеглась спать, едва время перевалило за полночь. И проснулась счастливой.

Все! Время X миновало. Она может вздохнуть полной грудью. Она должна двигаться дальше. Опасность ей больше не грозит.

Но неожиданно жить так, как ей хотелось бы, оказалось сложно. Подруг она растеряла. Парни выбрали тех, кто помоложе. И отказав себе во многих мирских радостях, она вдруг поняла, что невозможно подурнела. И лишний вес набрала, и он никак не желал поддаваться изнурительным тренировкам.

В этой борьбе за возвращение к счастливой жизни прошло еще четыре года. И вот тогда-то она и встретила его: мужчину своей мечты. Защитника! Надежного, как скала. Уютного, как теплый плед. И пускай он был женат. Это неважно. У них с женой все было очень плохо. Все катилось в пропасть. Она никого не уводила, если что. Семью не разбивала. Ее уже не было.

Алла столкнулась с ним случайно. Сразу ему поверила. Они начали встречаться. Тайно, осторожно. Она никогда не провоцировала ситуацию: не звони-

ла, когда он бывал дома, не писала сообщений, что скучает. Покорно ждала, когда он сможет к ней приехать. Готовила вкусную еду. Убирала квартиру до такой чистоты, что пол сверкал, как зеркало. И Гена это ценил. Очень! Хвалил ее еду. С удовольствием ходил босиком по полу. И еще шутил, что даже странно, что к пяткам ничего не прилипает.

Их осторожности оказалось недостаточно для того, чтобы его жена не узнала.

— Понимаешь, она нас вычислила. Она хороший сыщик. Это ее профессия.

Так Гена оправдывался после серьезного допроса, который ей устроила его жена. Оправдывался и пытался утешить. А она плакала и считала себя последней дрянью, хотя его жена Анна ничего такого в ее адрес и не говорила. Просто смотрела. И смотрела так, что...

— Мне хотелось провалиться сквозь землю, Гена! — всхлипывала Аллочка на его плече.

— Не плачь. Все будет хорошо, — неуверенно проговаривал Гена время от времени.

У кого все будет хорошо, он не уточнял. Но спустя время он с женой развелся и переехал жить к Аллочке. Мама тут же прилетела из далекого Новосибирска проверить, не альфонс ли? Не претендует ли на жилплощадь, купленную дочери в складчину с ее давно сбежавшим и неожиданно объявившимся отцом.

Претендент на руку и сердце дочери маме понравился. Она улетела обратно через пару дней со спокойной душой. А они с Геной зажили мирно и счастливо. Он часто уезжал по делам уже после работы. Она не роптала и терпеливо ждала. А когда он возвращался — уставший, злой, молчаливый, раздраженный, пьяный, — Аллочка ему была рада. Любому Гене была рада, потому что любила его.

Настя, познакомившись с ним на дне рождения Аллы, неуверенно повела плечами и проговорила:

— Ну не знаю. Я бы не смогла.

— Что именно?

Они как раз были на кухне. Настя курила в форточку. Алла стерегла пирог в духовке. Гена о чем-то разговаривал с парнем Насти. С очередным парнем Насти.

— Я бы постоянно ощущала ее присутствие.

Аллочка не была дурочкой. Она поняла, кого имеет в виду подруга. И беспечно рассмеялась.

— Мне двадцать девять лет, Настя.

— И что? — потрясла головой Настя, стряхнув пепел за форточку.

— А ей сорок! Целых сорок лет!

— А ты ее видела? — нехорошо прищурилась подруга.

— Видела, и что?

— И я видела, — удовлетворенно улыбнулась она. — И то, что я видела... В общем. Прости меня,

конечно, но ни ты, ни я ей не конкурентки. Она... Она дива!

— Обычная она, — наморщила лоб Аллочка и полезла в духовку за пирогом. — Я с ней встречалась. От таких мужчины очень быстро устают. Она обычная, измотанная буднями тетка.

— Нет, подруга, ты не права. — Настя зябко передернулась и захлопнула форточку. — Она не обычная. Она необыкновенная!

После этой памятной вечеринки Алла стала Настю избегать. И в бассейн ходить начала одна, поменяв расписание. И на йогу. А бегать стала дома, выпросив у Гены модную беговую дорожку.

Она сильно похудела. Косметические процедуры пошли ее лицу на пользу. Кожа засветилась. Светлорусые волосы она высветлила до льняной белизны и каждое утро выпрямляла утюжком. И вполне была довольна, осматривая себя в зеркале. Но...

Но слова подруги нет-нет да всплывали в памяти.

Дива! Дива? Что дивного в женщине с уставшим потухшим взглядом, с размашистой походкой и резким командным голосом? Какого мужчину может пленить особа, роющаяся в мыслях и угадывающая их с ходу?

Аллочка поначалу недоумевала над Настиной оценкой. Но через два-три месяца совместного проживания с Геной неожиданно обнаружила, что он не удалил из телефона фотографии Анны.

• Преступные игры гения •

— Почему? Зачем? — изумленно моргала она, листая ее фото.

На них бывшая жена Гены в самом деле выглядела превосходно.

— Почему ты их не удалил, Гена?

— В чем смысл? — лениво глянул он на нее тогда.

— Ну, как говорится: с глаз долой — из сердца вон! — Этот довод показался ей таким правильным, что она даже на мгновение собою загордилась.

— С каких глаз, Аллочка, если мы с ней вместе работаем? — хихикнул ее любимый.

И вот тут до нее наконец дошло. И она осознала всю степень рисков. И побежала к Насте плакаться.

— А я тебе говорила...

— Тень бывшей жены, особенно такой красавицы...

— Они с утра до ночи рядом...

— Зря ты все это затеяла с Геной своим...

— Таких женщин, как его бывшая, не забывают...

Это приблизительный перечень того, что Алла выслушала в качестве утешения. И последним гвоздем Настя вбила ей в темечко мысль, что Гена не перестает любить свою Анну.

— С чего ты взяла?

— Ну... Ты сама говорила, что она его выгнала, не он сам ушел. Так?

— Будто бы.

— Вот... Сам бы, может, и не ушел. Покувыркался с тобой, покувыркался, да и остался с ней жить. Напряжение сбросил и...

Она сто раз пожалела, что побежала к Насте. Та не утешила, только разожгла то самое чувство, которое Аллочка от себя тщательно гнала.

Ревность! Ревность к бывшей жене! Она куда пакуднее, чем ревность жены к любовнице, Аллочка была в этом уверена. У бывшей жены Гены было их общее на двоих прошлое. А будет ли у Гены и Аллочки их общее будущее, еще неизвестно. И именно по этой причине она считала, что Анна находится в великом преимуществе.

Опасаясь выдать себя каким-то чрезвычайным интересом, она не стала Гену ни о чем расспрашивать. К примеру: что любила Анна, что ему особенно нравилось? Глупо? Глупо! Она выяснит сама. А как? Она за ней понаблюдает. Бывают же выходные дни у таких загруженных подполковников полиции, как Анна. И что-то в эти выходные она делает. Видимо, как раз то, что особенно любит. Аллочке необходимо это выяснить. Составить список. А затем этот список отфильтровать с учетом предпочтений Гены.

— Это извращение, подруга. — выкатила на нее глаза Настя, которую Алла попросила на первых порах помочь. — И как ты узнаешь, когда у нее выходной?

• Преступные игры гения •

О, вот с этим вообще проблем не возникло. Она так виртуозно выведывала это у Гены, что он ни разу не заподозрил подвоха. Случались, конечно, некоторые неудобства, потому что график выходных у Анны был скользящим. Один выходной в воскресенье — это железно. И один, когда вздумается. И Аллочке пришлось даже выпросить себе удаленку на работе, ссылаясь на здоровье. Руководство пошло ей навстречу, она стала работать из дома. И строго раз в неделю каталась за Анной по городу. Иногда на своей машине, иногда вместе с Настей, иногда на такси. Она понимала, что Анна опытный сыщик, она вычислит ее на щелчок пальцев, если Алла не станет менять транспортные средства. И она, как могла, старалась замечать следы...

ШАБА 5

Все шло замечательно. Список предпочтений бывшей жены Гены раз от раза пополнялся. Любимое кафе, скамейка на набережной, парковая аллея, пирожные и определенный вид кофе. А еще маленькие магазинчики, где Анна покупала себе не очень дорогую, но красивую одежду. Как выяснилось, ей ее привозили на заказ. Алла рискнула и себе заказала кое-что. Но вещи не подошли. Ожидание оказалось выше реальности. А вот Анна покупала все, что ей привозили.

— У нее чувство меры, вкуса. И фигура — высший пилотаж, — гадила Аллочке в душу любимая подруга Настя. — И выбирать умеет...

Аллочка отмахнулась и подарила вещи Насте. Той все подошло. Во второй раз она сделала более удачный заказ, опираясь на вкусовые предпочтения Анны. И даже Гене понравилось. А когда она его потащила гулять по той самой аллее, по которой гуляла днем раньше Анна, он показался Аллочке обескураженно-счастливым. И засыпая, пробормотал:

— Сегодня был великолепный день, милая. Спасибо. И твой кардиган просто бомба!

Она все делает правильно. Она большая молодец. Завтра она утрет Насте нос.

Но подруга, выслушав ее, лишь ухмыльнулась: недобро, с сомнением.

— Все это плохо кончится, дорогая, — предрекла она и посоветовала. — Завязывай.

— С чего вдруг? Я только вошла во вкус и...

— Помнишь прошлый наш совместный выезд? — Настя потащила ее с порога прихожей в кухню. — Идем, кофе налью.

Прошлый совместный выезд прошел сумбурно и как-то неправильно. Насте вдруг показалось, что за ними тоже кто-то следит. Они следят за Анной, а за ними — кто-то еще. Она разнервничалась и на ближайшем светофоре упустила машину Анны из виду. И потом они ее уже не нашли, хотя и катались по ее

любимым местам. И Алла всерьез заподозрила ее в саботаже.

— Помню прошлый наш совместный выезд. И что? — улыбалась Аллочка, потягивая дрянной Настин кофе.

Что характерно, кофе Настя покупала всегда соевой и дорогой, но ухитрялась испортить его, готовя исключительно в специальной посуде. Где она отрыла такую уродливую кастрюльку, Алла не предполагала. Но три сопла со свистками превращали напиток в совершенную бурду. Но как скажешь!

— А то, что я полистала тут фотки с регистратора. Обнаружила машину, которая мне не понравилась. Поняла, что она действительно ехала одним с нами маршрутом. Но не за нами.

— А за кем?

— За ней — за Анной.

— Да ладно! Зачем? Это... Это был преступник? — затылку сделалось прохладно. — Из тех, кого она посадила и кто успел выйти?

— Скорее поклонник. Машина принадлежит какому-то художнику. Осетрову, кажется.

— Не слышала. А как ты узнала, кому принадлежит машина? — Алла ревниво прищурилась. — К Генке за помощью обращалась?

— У меня таких Генок пруд пруди. Есть кого попросить, — отмахнулась Настя без обиды. — Машина точно художника. Но вот почему за рулем была девушка?

— Ну мало ли. Дал покататься. Подарил и все такое.

— Меня не это заботит, Алла! — прикрикнула подруга и отобрала кофейную чашку, проворчав. — Вижу, давишься. Что за гадость я каждый раз варю!

— Так что тебя заботит? — Алла с облегчением выдохнула, потянувшись к стакану с водой, отпила половину.

— Если бы за ней катался художник, тут понятно: понравилась, решил использовать красивую даму в качестве модели. А с какой стати за ней каталась девка? Зачем?

— Ой, тебе голову забить нечем, да?

— Есть. Есть чем забить, дорогая. Но этот вопрос у меня сейчас на повестке дня. С самого утра. С выпуска новостей, если быть точной.

— И что в новостях? — беззаботно смотрела на подругу Аллочка поверх стакана.

— В новостях эту девку нашли убитой. В лесопарке. И нашел тот самый художник, чья машина. Сечешь, куда я клоню?

— Не совсем, — поежилась она, поставила стакан на стол. — Она каталась на машине художника за Анной. Потом ее мертвой нашел художник — хозяин машины.

— Не мертвой, убитой! — внесла существенное уточнение Настя и распахнула форточку на кухне, намереваясь закурить. — Она следила, ее уби-

ли. Кто? Почему? При чем тут машина художника? И как он смог ее найти? Искал место для работы, а нашел свою девушку. Странно...

— Про место для работы тоже из новостей? — прошептала Аллочка, внезапно осознав, что стремительно куда-то скатывается, в какую-то черную пропасть.

— Да. Был один репортаж. Только там было сказано как-то непонятно... — Настя щелкнула зажигалкой, затянулась. — Будто художник девушку убитую не знает. А как такое возможно, если она ездила на его машине? И за кем? За подполковником полиции! И что теперь нам делать, Аллусик?

— Что? — Ее шея все глубже уходила в плечи.

— Я тут подумала и решила, что ничего! Мы с тобой ничего не сможем сделать. В том смысле, что не сможем быть свидетелями.

— Почему?

— Тебе так хочется, чтобы твой любимый Геночка узнал о нашей слежке? — задохнулась дымом Настя и, понаблюдав, как подруга интенсивно машет головой, закончила. — Вот видишь, и тебе не хочется. А мне — тем более. Ты ночью пощаду вымолишь. А я что? Я попаду в его черный список. И я приняла решение, дорогая. За нас обеих решение приняла...

Дым стелился по кухне туманом. Настя дымила как паровоз. Это всегда случалось в минуты ее сильнейшего душевного волнения.

— Мы молчим, — выдала она, отправляя затушенный о раму окурков на улицу. — Ничего не видели, нигде не были. Поняла?

— Да.

Всплеск облегчения от принятого за нее другим человеком единственно разумного решения затопил весь совестливый душевный шепот.

— А мы не обязаны, так ведь? — не моргая смотрела она на подругу. — Мало ли кто за ней ездил? Может, это разработка такая, и это намеренно было сделано. Ею же! Она ведь такая... Такая коварная!

— Она профессионал, — поправила ее Настя с кривой ухмылкой. — И ревность — это пережиток, милая. И тебе давно пора успокоиться. Гену она вы проводила. Назад никогда не примет.

— Много ты знаешь! — вырвалось у нее тайное, мрачное.

— Такие женщины, как Анна Смирнова, не прощают предательства. А Гена твой ее предал.

— Нет. Он от нее просто устал, — тут же попыталась защитить любимого Алла.

— А потом от тебя устанет. И потом еще от кого-то. Это такая категория мужиков, малыш. Их мотает по жизни, как дерьмо по проруби...

— Прекрати! — прикрикнула на нее Алла, дико обидевшись и за Гену, и за себя заодно.

С какой стати ему от нее уставать? У них все идет отлично. Они полгода живут вместе и еще ни разу не повздорили. И она постепенно привыкает к его чу-

дачествам и не ропщет. Хотя одно из них ей кажется особенно странным. Это когда Гена не позволяет убирать со стола чашку с его недопитым чаем или кофе.

— Пусть стоит. Допью,. — строго смотрит он всякий раз, вставая из-за стола.

Она кивает, оставляет чашку, но не понимает зачем. Гена еще ни разу не допил остатки. Заглядывал в чашку, недовольно морщился и выплескивал все в раковину. Чудит? Да на здоровье! Ее это не раздражает.

Настя утащила ее из кухни в комнату. Вывалила на диван кучу барахла и принялась хвастаться, что через пару недель улетает с парнем на отдых.

— Что за парень? — равнодушным голосом поинтересовалась Аллочка. — Достойный?

Настя покивала, разбрасывая платя по спинке дивана. Она выглядела такой веселой, такой беспечной, что Аллу это даже задело.

— Хорошо как, — проговорила она со странным чувством легкой зависти и тайной неприязни. — Ты сматываешься. А я остаюсь с проблемами.

— Какими? — наморщила Настя лоб, не поняв.

— Слежка за Анной и все такое.

— Замечу, не я это предложила! — Настя вскипела мгновенно. — Ты помешалась на ревности. Принялась следить. Меня втянула. А когда запахло жареным, хочешь за чьей-то спиной укрыться? Ни

фига не выйдет, дорогая. Расхлебывай сама. Я умываю руки.

— И сматываешься, — закончила Алла.

— Да, и сматываюсь. И вообще... — Настя выразительно глянула на настенные часы. — Мне сейчас надо будет отъехать по делам. Так что...

Она ее выставила. Даже не извинилась! Хотя, подумав, Алла все же признала, что подруге извиняться не за что. Она вольная птица. Захотела — с Мишей поехала за город. Захотела — с Петей на Канары полетела. А вот она должна сидеть и ждать Гену с работы. Ее слезка за Анной, вылившаяся в настоящее приключение, кажется, закончилась.

Неделю она грустила, слоняясь вечерами без дела по квартире. Гена все чаще задерживался. Объяснял это убийством девушки, чье тело было обнаружено в парке художником. Алла слушала его вечерами за ужином и ловила себя на желании помочь любимому. Рассказать ему все о слезке. О том, что они эту девушку видели. В машине того самого художника, что ее нашел мертвой. И девушка эта с какой-то блажи ездила за Анной Смирновой. Следила за ней!

Но Алла каждый раз вовремя прикусывала язык. И не потому, что боялась гнева Гены. А потому, что не хотела выставить себя на посмешище. Гена станет задавать вопросы: зачем ей это было надо, что за ерунда пришла ей в голову, чего она хотела этим до-